

УДК 39(470.1/5)

А. Е. Загребин, В. Э. Шарапов

**ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ В. Н. БЕЛИЦЕР:
ЗАБЫТЫЕ ТЕКСТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ
К УДМУРТАМ, КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКАМ
В 1930–1950-х гг.***

В статье рассматривается научная деятельность известного московского этнографа Веры Николаевны Белицер (1903–1983) в области этнографического изучения финно-пермских народов. Подчеркиваются перспективы введения в научный оборот неопубликованных полевых материалов и иных авторских рукописей. Показано, что обращение к забытым этнографическим текстам способно придать дополнительную динамику научным поискам историков науки о народах и культурах.

Ключевые слова: В. Н. Белицер, полевая этнография, финно-угроведение, удмурты, коми, коми-пермяки, неопубликованные материалы.

Судьба Веры Николаевны Белицер сложилась так, что ее юность пришлось на годы революционного обновления и надежд, сменившихся страхом, а зрелые годы совпали с Отечественной войной и долгим послевоенным возрождением дела, которое она искренне любила, выбрав «этнографическую» линию жизни.

В нач. 1920-х гг., когда в советской стране была сделана попытка радикально переменить взгляд на историю и методику ее преподавания, что закономерно привело к повышению статуса науки о народах России и культурах, В. Н. Белицер училась на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук (ФОН) МГУ. Работавшие на ФОНе этнографы и обществоведы указали на перспективы этнической проблематики в молодом государстве, ищущем опоры в автономистских стремлениях населяющих его народов, ей и помогли осознать привлекательность изучения традиционной культуры. Едущие в «поле» ученые представлялись власти, в том числе, проводниками культурной революции, а этнография рассматривалась как одно из научных направлений с политическими задачами. Экспедиция как способ получения сведений об обществе, этнография

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03573 «“Поля несуществующего”: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)»).

как форма интерпретации фактического материала и музей как место его презентации становятся в первые советские десятилетия «точкой роста», объединяющей интересы заказчика и исполнителей.

В 1925 г. уже дипломированным специалистом В. Н. Белицер поступила на работу в незадолго до того созданный Центральный музей народоведения (ЦМН), где под руководством выдающихся фольклористов и организаторов науки братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых было подготовлено немало известных в будущем исследователей [1]. Тогда же правление музея разработало масштабный план изучения в полевых условиях материальной и духовной жизни народов России. Частью этого плана была Восточно-финская экспедиция, ориентированная на сбор этнокультурной информации в Поволжье и Прикамье. Вскоре к этой работе подключилась В. Н. Белицер.

Непосредственным руководителем и главное – наставником в профессии, оставшимся в ее памяти, стал М. Т. Маркелов [2]. Выпускник Саратовского университета, мордвин-эрзя по происхождению, он возглавил этнологический отряд Восточно-финской экспедиции. В том же году, что и В. Н. Белицер, в штат ЦМН был принят выпускник Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова К. П. Герд, основоположник многих творческих направлений в удмуртской культуре. Никто не мог предположить, чем обернется для них это знакомство и как оно повлияет на историю советского этнографического финно-угроведения.

Удмуртские экспедиции 1930, 1931 и 1938 гг.

Согласно плану IV-го года работ Восточно-финской экспедиции летом 1930 г. предполагалось осуществить «...изучение удмуртов в их хозяйственной и общественной жизни в разрезе Советского строительства» [3. С. 65]. Годом ранее, предваряя эту поездку, М. Т. Маркелов публикует брошюру, содержащую краткие историко-статистические сведения об удмуртах, на деле очерчивающую круг вопросов будущего полевого исследования [4]. В состав экспедиции вошли также московский художник И. С. Ефимов и зав. Областным музеем Г. Ф. Сидоров.

В общей сложности участники экспедиции провели в Удмуртии три с половиной месяца. М. Т. Маркелов считал своим долгом рассказать как можно более широкой аудитории о целях и задачах научного предприятия [5]. Учеными предполагалось изучение динамики хозяйственного уклада и общественных отношений в удмуртской деревне, а также, по спецзаданию секции докапиталистических формаций Института истории Коммунистической академии, собирали сведения по проблемам «разложения родового общества удмуртов» [6. С. 16]. Маршрут экспедиции пролегал по южным, восточным и северным ёросам (районам) автономной области: Мало-Пургинском, Можгинском, Больше-Учинском, Шарканском, Дебёссском, Поломском, Балезинском и Глазовском, – что позволяло сравнивать локальные традиции.

Следуя примеру своего наставника, В. Н. Белицер сообщала в областной газете о предварительных итогах полевых исследований [7]. Много позже, вспоминая о работе среди удмуртов, она писала: «Экспедиция присутствовала на многих

“даже особо важных ночных молениях”, происходящих в священных рощах – “лудах” и в родовых “куалах”. Михаилу Тимофеевичу удалось записать сроки и назначения молений, тексты молитв, ритуал жертвоприношений, выяснить роль жрецов и т. д.» [2. С. 22], – что подтверждает полевой дневник Маркелова с ценными сведениями о локальных традициях удмуртов [8. С. 136]. Судя по текстам, можно предположить, что этнографы были довольны результатами работ и думали о продолжении. Полевой сезон 1931 года они хотели посвятить изучению удмуртской культуры как в самой автономной области, так и за ее пределами: в Уральском крае и Башкирии. Об этом начальник экспедиции писал председателю Удмуртского облисполкома, надеясь на его поддержку.

Приехав в начале лета в Ижевск, М. Т. Маркелов выступил с докладом об итогах экспедиции прошлого года перед работниками просвещения, стремясь пробудить в них интерес к научному изучению родного края, хотя он не мог не почувствовать перемену в их настроении, особенно на фоне прошумевшего на всю страну «Лудорвайского дела» [9]. От бдительных товарищей не укрылось пристальное внимание приезжих ученых к «пережиткам» в быту удмуртов, и словно намеренное игнорирование успехов советской власти. В областной газете появилась статья, автор которой указывал: «Задача научной экспедиции в том, чтобы всю работу подчинить полностью интересам социалистического строительства, дать марксистско-ленинское описание действительности...» [10]. Маркелов вынужден был опубликовать несколько идеологически выверенных статей, подчеркивающих победы колхозного движения в Удмуртии, но это не сильно ему помогло [11]. Тем временем экспедиционный отряд побывал в западных и северо-западных ёросах автономной области (Селтинском, Юкаменском, Ярском и Понинском), о чем В. Н. Белицер информировала читателей местной прессы [12]. В ходе именно этих поездок она сосредоточилась на главном предмете своих будущих научных интересов – материалах о народной одежде, прядени и ткачестве.

О дальнейших планах М. Т. Маркелова, В. Н. Белицер и их удмуртских коллег сказать затруднительно, но, какими бы они ни были, осуществить их не пришлось. По негласной линии на свертывание нацистроительных проектов, структуры Нижегородского ОГПУ сконструировали в 1932–1933 гг. так называемое Дело Союза освобождения финских народностей (СОФИН), активисты которого якобы готовили отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Ключевым фигурантом Дела СОФИН был определен К. П. Герд. Наряду с удмуртскими учеными и деятелями культуры в оперативную разработку попали представители финской, карельской, коми, марийской, мордовской интеллигенции, а также московские и ленинградские исследователи, занимавшиеся финно-угроведением [13]. М. Т. Маркелова приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, замененных, правда, административной высылкой в г. Томск. Новый арест последовал в 1937 г., затем суд и расстрел. Так из участников экспедиции В. Н. Белицер осталась одна со всеми собранными удмуртскими материалами.

Тем не менее связь ее с Удмуртией не прервалась. В 1937 г. к Вере Николаевне обратилось руководство Удмуртского НИИ социалистической культуры, со-

трясаемого чистками, с предложением продолжить полевые исследования в крае. Надо отдать им должное – Вера Николаевна решилась на поездку, а Институт выделил необходимые средства. Экспедиция проходила с 16 июля по 16 августа 1938 г. на территории трех районов (Шарканский, Балезинский, Юкаменский) УАССР в составе научного сотрудника Музея народов СССР (бывший ЦМН) В. Н. Белицер и научного сотрудника УдНИИ М. Л. Кузнецовой [14]. Женщины прошли пешком и проехали на лошадях десятки километров в поисках образцов ткачества, вышивки, вязания удмуртов и бесермян, встречаясь с лучшими мастерицами, делая фотоснимки, копии и зарисовки. В обобщенном виде полевые записи и авторские размышления отразились в специальной статье, закрепившей за В. Н. Белицер эту проблематику [15]. Дальше были война, эвакуация и поступление в 1943 г. в аспирантуру Института этнографии АН СССР.

Трудно предположить, когда именно созрел у В. Н. Белицер замысел монографического исследования, построенного на удмуртских собраниях. Наверняка было немало сомнений и обоснованных опасений. Первоначально количество и качество полевых наблюдений и музейных приобретений уравнились в защищенной в победном 1945 г. кандидатской диссертации «Национальный костюм удмуртов» [16]. Новые подступы к теме прозвучали в статьях, в которых были увязаны вопросы истории народного костюма и этногенеза [17]. Наконец, будучи уже несколько лет включенной в полевую работу среди коми и коми-пермяков, в 1951 г. она опубликовала книгу об удмуртской одежде, этнической истории и культуре [18]. Как отметили историографы, «Раскрытие происхождения отдельных элементов одежды дает ценный материал для выяснения проблемы этногенеза, однако В. Н. Белицер отчетливо сознает, что проблема этногенеза не может быть решена лишь на этнографических данных, а тем более только на материале одежды. Разработку этой проблемы, по ее мнению, должны вести археологи, лингвисты, историки» [19. С. 48–49]. По сей день, эта монография остается одним из базовых текстов по этнографии удмуртов, в особенности по материальной культуре и «женской истории».

Еще раз В. Н. Белицер обращалась к удмуртским материалам при подготовке в Институте этнографии АН СССР многотомной серии «Народы мира», написав (при участии А. Новицкой) главу, посвященную удмуртам [20. С. 472–509].

Сохранение удмуртской темы в центральных научных изданиях 1940–1950-х гг. в немалой степени было обеспечено трудами В. Н. Белицер, лично ставшей своеобразным связующим звеном между этнографами первых революционных десятилетий и молодыми финно-угроведами, пришедшими в науку на рубеже 1960–1970-х гг. не без ее участия, а некоторые – при прямой ее поддержке [21].

Полевые этнографические исследования В. Н. Белицер среди народов коми

В научно-исследовательской деятельности советских этнографов 1940–1950-х гг. центральное место заняла подготовка академического издания «Народы мира» (13 томов в 18 книгах) [22. С. 12]. В те же годы по инициативе правительственных органов и научных учреждений развернулись археолого-

этнографические и антропологические полевые исследования на территории расселения народов коми. Проводили их совместно несколькими академическими институтами и недавно созданной Научной базой АН в Коми АССР [23]. С 1945 по 1952 г. В. Н. Белицер возглавляла этнографический отряд Комплексной археолого-этнографической экспедиции, работавшей в Коми АССР и Коми-Пермяцком национальном округе. Целью исследований было историко-этнографическое изучение традиционной и современной материальной культуры сельских коми, а также религиозных традиций, характерных для местного населения в прошлом и настоящем.

Так, осенью 1945 г. этнографический отряд под ее руководством в течение двух месяцев работал на территории Сысольского и Железнодорожного (бывш. Усть-Вымский) р-нов Коми АССР [24]. В состав экспедиции входили: с. н. с. А. И. Пинт, студентка МГУ И. М. Тулина и переводчик с коми языка, аспирант Базы АН Коми АССР Т. И. Фролова [25]. Основные направления исследований были сформулированы следующим образом: «Происхождение народа коми» и «Быт народа коми в XVIII и XIX вв.». В Сысольском р-не экспедиция работала в селах Визинга (дд. Рай, Носково, Ципаново, Звенигород) и Куратово (дд. Сорма, Руч, Семенчин, Ягиб, Картасик). В Железнодорожном р-не были обследованы населенные пункты: Шошка, Онежье, Турья, Луг, Жиганово и Кони. Отчет составили сведения о традиционных путях сообщения, природопользовании (земледелии, охоте и рыболовстве), ремеслах и промыслах (гончарство, ткачество), о традиционных типах поселений и жилищ и народной одежде. В отдельный раздел выделены сведения о народном изобразительном искусстве коми (вязание, плетение поясов, узорное ткачество, резьба и роспись по дереву) и семейно-родственных отношениях (разделение труда между мужчинами и женщинами в семье, терминология родства, семейно-родственные объединения «котыр»; порядок наследования имущества, формы брака). Раздел «Религиозные пережитки» представил немногочисленные, отрывочные материалы о традиционной календарной и семейной обрядности. Отмечается, что в ходе экспедиции было записано 800 частушек, 20 сказок, 50 песен и значительное количество пословиц и загадок на русском и коми языках. Впечатляющие результаты первой, рекогносцировочной, этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР были «первым шагом к более углубленному изучению коми культуры и постановке проблем о происхождении и культурных связях народа коми», как подчеркивает В. Н. Белицер [25. Л. 5–23].

Впоследствии она регулярно публиковала результаты этнографических исследований на территории Коми АССР и Коми-пермяцкого национального округа в Кратких сообщениях института этнографии АН СССР, зафиксировавших маршруты и календарь этнографических экспедиций [26]. С 13 марта по 14 апреля 1946 г. исследования проводились в Усть-Куломском р-не (Усть-Куломском, Кужбинском, Донском и Керчомском сельсоветах) [27]. В 1947 и 1948 гг. экспедиция проводила сбор материалов по иньвенским коми-пермякам в Юсьвинском, Кочевском и Гаинском р-нах Коми-пермяцкого национального округа и в группе язвинских коми-пермяков, живущих в Красновишерском р-не Молотовской обл. (ныне Пермский край) [28]. С 20 июля по 5 октября

1950 г. обследовались северные районы Коми АССР по течению Печоры, Усы и Ижмы в Троицко-Печорском, Кожвинском, Усинском и Ижемском р-нах. Основными темами, над которыми работала экспедиция, были: «Заселение Печоры и формирование культуры печорских коми», «Быт и культура колхозников в северных районах Коми АССР» [29]. Работа велась в населенных пунктах Щугор, Подчерье, Савинобор, Троицко-Печорск, Мамыль [30]. Летом 1951 г. изучалась материальная культура группы зюздинских коми-пермяков, проживающих в Кировской обл. (села Афанасьевое, Гордино, Пашино) [31]. Летом 1952 г. в течение месяца проводилось этнографическое обследование Удорского р-на [32].

Официальные отчеты и публикации В. Н. Белицер о результатах экспедиций по Коми АССР и Коми-пермяцкому национальному округу сознательно ограничивают круг задач полевых исследований (этническая история, материальная культура, природопользование, народное изобразительное искусство), что было обусловлено причинами идеологического характера, определяющими представления о корректности этнографического описания [33. С. 204]. Так, темы, связанные с изучением семейно-родственных отношений и верований, формулируются в ее отчетах как «родовые и религиозные пережитки» [34]. В. Н. Белицер писала, что основное внимание было направлено на изучение различных аспектов традиционной материальной культуры коми, а изучение семейного быта и религиозных верований лишь отчасти входило в сферу ее интересов. В полевых отчетах и последующих публикациях лишь вскользь отмечает она консервативное влияние старообрядчества на культуру и быт коми населения [35. С. 246].

В связи со сказанным значительный интерес представляют для нас пока не опубликованные уникальные аутентичные фольклорные и этнографические материалы 1940–1950-х гг. по коми и коми-пермякам, хранящиеся в личном фонде В. Н. Белицер (Научный архив Института этнологии и антропологии РАН): это – сотни страниц полевых дневников и карточек по календарной и семейной обрядности, фольклору, истории поселений и традиционным верованиям [36]. Особого внимания заслуживают иллюстративные полевые материалы (зарисовки и фотографии), лишь частично опубликованные В. Н. Белицер в последующих изданиях. Примечательно, что в ходе осуществления долгосрочной программы полевых исследований на территории Коми АССР был создан специализированный Архив Института этнографии АН СССР – до 1946 г. личные архивы, полевые записи передавались в научные отделы, библиотеку и в Архив АН СССР.

После успешной защиты в 1945 г. кандидатской диссертации на тему «Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу» В. Н. Белицер обрела авторитет признанного специалиста в области этнографического изучения народной одежды и декоративно-прикладного искусства народов Поволжья и Приуралья, одного из первых этнографов, обратившихся к материалам по народному изобразительному искусству коми. Есть основания полагать, что в своих работах по народному искусству коми В. Н. Белицер опиралась на материалы, собранные в 1920–1930-е гг. на территории Коми края Г. В. Шипуновой [37], что позволило более достоверно проследить некоторые тенденции развития традиционных художественных промыслов и ремесел коми.

Первый опыт обобщения материалов по народному изобразительному искусству, в частности, собранных в ходе экспедиций 1945–1948 гг. в Коми АССР и Коми-Пермяцком национальном округе, был представлен В. Н. Белицер в статье «Народное изобразительное искусство коми» [38]. Рассматривая проблему происхождения и этнической специфики различных видов народного искусства коми (узорное ткачество и вязание, вышивка, набойка, народное зодчество, резьба и роспись по дереву), автор представляет ее на широком фоне историко-типологических параллелей по другим финно-угорским народам и Русскому Северу. Впервые предлагается типология вязаных узорчатых изделий у различных этнографических групп коми; формулируется гипотеза о том, что орнаментальные и технологические традиции в художественном промыслах и ремеслах коми развивались во взаимодействии с народным искусством Русского Севера и Волго-Камья, сохраняя при этом свои национальные формы.

Отметим, что в 1940–1950 гг. «география» этнографических исследований В. Н. Белицер не ограничивалась территорией проживания коми-зырян и коми-пермяков. В 1947 г. выходит из печати статья «К вопросу о происхождении бесермян: (по материалам одежды)» [39]. В 1949 г. она участвует в работе этнографической экспедиции в Эстонской ССР [40] и в 1950 г. публикует статью «Из истории эстонского жилища» [41]. В 1951 г. выходит монография В. Н. Белицер «Народная одежда удмуртов» [19] и в 1953-м – «Методические описания к полевому сбору материалов по народной одежде» [42]. Еще не закончив исследования на территориях проживания коми и коми-пермяков, В. Н. Белицер возглавила Комплексную Мордовскую этнографическую экспедицию, маршруты которой проходили по всему Среднему Поволжью.

В ходе этнографических экспедиций на территории Коми АССР и Коми-пермяцкого национального округа формировалась не только источниковедческая база по традиционной культуре и этнической истории коми, но и – кадры профессиональных этнографов. В «белицеровских экспедициях» работал аспирант Л. Н. Жеребцов (будущий зав. отделом этнографии ИЯЛИ КФАН / Коми НЦ УрО РАН), собиравший материалы по теме диссертационного исследования. Под руководством В. Н. Белицер он получил уникальный материал о традиционных типах поселений и жилищ, а также строительной обрядности коми на Верхней и Средней Печоре, Вычегде и в Прилузье [43. С. 26–27]. Многие годы В. Н. Белицер поддерживала постоянный контакт с исследователем народного искусства коми Л. С. Грибовой, бывшей в начале 1950-х гг. студенткой Кудымкарского педагогического училища, а в 1956 г. поступившей на исторический факультет МГУ. Работы В. Н. Белицер о народном искусстве дали импульс систематическому сбору и анализу этнографических материалов по изобразительному искусству локальных групп коми.

Несмотря на то что экспедиции работали в идеологической парадигме советской этнографической науки тех лет, результаты исследований объективно способствовали формированию «нового» этнического образа народа коми (представлений о территории проживания, этнической истории, языке и культуре этого финно-угорского народа) не только в отечественной и зарубежной академической среде, но и в более широкой аудитории и публичном советском дискурсе [44].

Очевидно, что комплексные исследования 1940–1950-х гг., проводившихся под руководством Н. Н. Чебоксарова и В. Н. Белицер, в той или иной мере повлияли на формирование круга проблем, разработкой которых продолжают заниматься сотрудники секторов / отделов этнографии и фольклора ИЯЛИ КФАН / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН во 2-й пол. XX в. На сегодня, как правило, ни одна из работ о традиционной культуре коми не обходится без ссылок на монографию В. Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в.» [45] – вплоть до сер. 1980-х гг. единственное академическое обобщающее исследование этнографии коми, во многом не утратившее своего значения до настоящего времени.

Возвращение к «забытым текстам» В. Н. Белицер

Прошедшее время дало возможность говорить о роли и значении каждой отдельной личности, экспедиции, (арте)факта, во всей сложности историографического спектра [46]. Прочитывая светлые и темные страницы истории науки, начинаешь лучше понимать ту действительность, что характерна для сегодняшнего дня финно-угорских исследований.

Возвращение к неопубликованному «белицеровскому наследию» имеет особую значимость для этнографического финно-угроведения, поскольку она была одним из последних полевых исследователей, чьи научные интересы распространялись сразу на несколько родственных народов (мари, удмурты, коми, коми-пермяки и мордва) [47]. Публикация и комментирование ее рукописей создает неповторимый контекст движения этнографа по компаративным пространствам освоенных мест и прожитого времени. Источниковая же ценность самих текстов будет возрастать по мере удаления той эпохи, когда народные традиции и уклад еще не вошли в жесткое соприкосновение с новациями, а этнография ориентировалась, прежде всего, на сельский мир и крестьянское хозяйство.

В. Н. Белицер прожила не просто долгую жизнь, но – долгую жизнь в науке. Время выбрало ее для того, чтобы сохранить и передать то, чему она научилась у своих, быть может, более ярких и талантливых, но рано ушедших коллег. Раз за разом, до почтенных лет, отправляясь в поле, она отдавала свой долг их памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М.: Прометей, 2000.

2. *Белицер В. Н.* М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 3. С. 15–25.

3. *Белицер В. Н.* Обзор работ этнографической экспедиции 1930 г. // Удмурты. Проспект трудов этнографической экспедиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея 1930 года / Под ред. М.Т. Маркелова. Ижевск: Удкнига; М.: Центриздат, 1931.

4. *Маркелов М.* Вотяки (Удмурты). М.: Государственный центральный музей народоведения, 1929.

5. Маркелов М. Т. Экспедиция Центрального музея народоведения по изучению быта удмуртов // Ижевская правда. 1930. 3 июня.

6. Сидоров Г. Научное изучение Удмуртской автономной области // Удмурты. Проспект трудов этнографической экспедиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея 1930 года.

7. Белицер В. Н. К работам этнографической экспедиции Центрального музея народоведения (Две недели работы в Вотобласти) // Ижевская правда. 1930. 25 июня.

8. Загребин А. Е., Чураков В. С. Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.

9. Куликов К. И. «Лудорвайское дело» и «Великий перелом» в Удмуртии // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. Ижевск, 1991. С. 119–169.

10. Зеленцов В. Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля.

11. Маркелов М. Т. «Этнографическое изучение удмуртов» к десятилетию Вотской автономной области // Этнография. 1930. № 4. С. 71–80; *Его же*. О пережитках родового строя в современном быту удмуртов // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 59–69.

12. Белицер В. Н., Чирков. Работа этнографической экспедиции в УАО // Ижевская правда. 1931. 21 июля.

13. Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х – 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. / Ред. И. Ятс, Э. Таммиксаар. Тарту: ЭНМ, 2011. С. 149–163.

14. Белицер В. Н. Предварительный отчет об экспедиции по Удмуртской АССР, организованной УдНИИСК летом 1938 года // Записки УдНИИ социалистической культуры при Совнарком Удм. АССР. Ижевск, 1938. Вып. 8. С. 275–281.

15. Белицер В. Н. Узорное тканье и вышивка удмуртов // Записки УдНИИ социалистической культуры при Совнарком Удм. АССР. Ижевск, 1940. Вып. 9. С. 96–120; Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В. Н. Белицер) / Альбом. Под ред. А. Е. Загребина. Ижевск, 2013.

16. Белицер В. Н. Национальный костюм удмуртов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Вып. 2. М.–Л., 1947. С. 87–89.

17. Белицер В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды) // Советская этнография. 1947. № 4. С. 103–125.

18. Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов (Материалы к этногенезу) / Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 10. М., 1951.

19. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984.

20. Белицер В. Н. Удмурты // Народы европейской части СССР. М.: Наука, 1964. Т. 2.

21. Загребин А. Е. «Забытые тексты» экспедиций В. Н. Белицер к удмуртам // Уральский исторический вестник. 2014. № 4. С. 127–131.

22. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. 80 лет / Под ред. В. А. Тишкова; Сост. Н. А. Дубова. М.: Индрик, 2013.

23. Толстов С. П. О договоре между Базой АН в Коми АССР и Институтом Этнографии АН СССР. 10 декабря 1945 г. / Белицер В. Н. Предварительный отчет о работе этнографического отряда Северной археолого-этнографической экспедиции. 1945 // Науч. архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

24. *Белицер В. Н.* Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 2. М., 1947. С. 59–63.

25. *Белицер В. Н.* Предварительный отчет о работе этнографического отряда Северной археолого-этнографической экспедиции. 1945 // Науч. архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–26.

26. *Федянович Т. П.* Исследования В. Н. Белицер по народам коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2007. С. 181–203.

27. *Белицер В. Н.* Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 3. М., 1947. С. 3–12.

28. *Белицер В. Н.* Полевая тетрадь. Коми-пермяки. 1948 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2439.

29. *Белицер В. Н.* Этнографические работы на Печоре // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 14. М., 1952. С. 23.

30. *Белицер В. Н.* Полевая тетрадь. Троицко-Печорский район Коми АССР. 1950 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2443.

31. *Белицер В. Н.* У зюздинских коми-пермяков // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 15. М., 1952. С. 27–38.

32. *Белицер В. Н.* Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г. // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 19. М., 1953. С. 16.

33. *Альмов С. С.* П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН, 2006.

34. В кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. сама В. Н. Белицер была (не)вольным участником процесса «Против извращений марксизма в этнографии». В частности, ей было поручено подготовить в соавторстве с Г. С. Масловой статью «Против извращений в изучении одежды», в которой один из главных объектов критики в статье – работы А. К. Супинского о символике народной одежды, чьи полевые материалы по традиционной культуре коми (записи 1930-х гг.) В. Н. Белицер впоследствии широко привлекала в своей монографии по этнографии коми. См.: Хроника. Обсуждение на заседаниях Ученого совета института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов / В. Чичеров // Советская этнография. 1948. № 3. С. 157–158; *Белицер В., Маслова Г.* Против антимарксистских извращений в изучении одежды // Советская этнография. 1954. № 3. С. 3–11; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 45. М., 1958. С. 215; *Супинский А. К.* Культура жилища коми (зырян). 1935 // Научный архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. Д. 101; *Супинский А. К.* Промыслы коми (зырян). Поверья и обряды. 1935 // Научный архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. Д. 102; *Альмов С. С.* Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 79–80.

35. *Власова В. В.* История этнографического изучения старообрядческой традиции коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2007. С. 245–257.

36. Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Коми АССР; Коми-Пермяцкая этнографическая экспедиция; Коми-Печорская этнографическая экспедиция // Архив ИЭА РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2437, 2439, 2440, 2441, 2443, 2444, 2438.

37. В личном фонде Г. В. Шипуновой, хранящемся в Научном архиве Национального музея Республики Коми, представлены издания с дарственными автографами В. Н. Белицер. Уже после смерти Г. В. Шипуновой, при непосредственном участии В. Н. Белицер, была подготовлена к публикации статья: *Шипунова Г. В.* Народное искусство коми: (Резьба по дереву) // Всесоюзное Географич. О-во. Доклады по этнографии географич. о-ва СССР. Вып. 5. Л., 1967. С. 116–125. См.: *Шарапов В. Э.* Из истории этнографического изучения изобразительного искусства народов Севера: Шипунова Глафира Васильевна (1892–1965) // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия. Ижевск, 2013. С. 344–350.

38. *Белицер В. Н.* Народное изобразительное искусство коми // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 10. М., 1950. С. 15–28.

39. *Белицер В. Н.* К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды) // Памяти Д. Н. Анучина (1843–1923). Тр. ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 1. / Отв. ред. С. П. Толстов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 183–193.

40. *Белицер В. Н.* Этнографические работы в Эстонской ССР в 1949 г. // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 12. М., 1950. С. 118–129.

41. *Белицер В. Н.* Из истории эстонского жилища // Краткие сообщения. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 11. М., 1950. С. 34–43.

42. *Белицер В. Н.* Методические описания к полевому сбору материалов по народной одежде // Краткие сообщения. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / М. Г. Левин (отв. ред.) и др. Вып. 18. М., 1953. С. 81–90.

43. *Жеребцов Л. Н.* Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005.

44. *Чистов К. В.* Из истории советской этнографии 30–80 годов XX века. К 50-летию института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1983. № 3. С. 3–18; *Alymov S.* Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology // An empire of others: creating ethnographic knowledge in imperial Russia and the USSR / Cvetkovski R., Hofmeister A (eds). Budapest–New York, 2014. P. 121–143.

45. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. / Труды Института Этнографии. Новая серия. Т. 45. М., 1958.

46. *Загрербин А. Е.* Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Тр. Карельск. науч. центра РАН. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 3–8.

47. *Федянович Т. П.* Исследования В. Н. Белицер финноязычных народов Поволжья и Приуралья // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 112–125.

Поступила в редакцию 15.10.2015

A. E. Zagrebin, V. E. Sharapov

**V. N. Belitser's Ethnographic Field Studies:
Forgotten Texts Collected during Expeditions to the Udmurts,
Komi and Komi-Permyaks in the 1930s – 1950s**

The article focuses on the scientific career of famous Moscow ethnographer Vera Nikolaevna Belitser (1903–1983), namely her ethnographic field studies of the Finno-Permian peoples. It highlights the prospects for introducing the researcher's unpublished field materials and other

manuscripts into the science. The paper also shows that the use of forgotten ethnographic texts contributes to giving additional impetus to the research carried out by the historians of science of peoples and cultures.

Keywords: V. N. Belitser, field ethnography, Finno-Ugric studies, Udmurts, Komi, Komi-Permyaks, unpublished materials.

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Шарапов Валерий Энгельсович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com

Zagrebin Aleksey Egorovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: adm@udnii.ru

Sharapov Valerij Engelsovich,

Candidate of Science (History), Leading Research Associate,
Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre
of Ural Branch of the Russian Academy of Science
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com